

Т.М. Яковлева

ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ А.А. БЕЛИКОВА В МАЭ

В 1942 г. В.А. Беликова передала в дар МАЭ негативы, фотоотпечатки и несколько тетрадей с записями, оставшиеся после смерти в блокадном Ленинграде ее мужа, Александра Антоновича Беликова (1883–1941). Известно, что в 1909 г. А.А. Беликов служил управляющим Виленским отделением Санкт-Петербургского телеграфного агентства, затем он преподавал географию в трудовых школах I и II ступеней Ленинграда, на курсах по подготовке к конкурсным экзаменам в учебные заведения, был организатором и руководителем географических, краеведческих и фотографических кружков. Он принимал участие в антропологических и этнографических экспедициях в качестве фотографа, совершал самостоятельные краеведческие поездки в деревни Ленинградской области, увлеченно пропагандировал применение фотографии в научных и просветительских целях, организуя выставки и печатаясь в специальных изданиях. Наследие А.А. Беликова, хранящееся в МАЭ, — это коллекция И-1228, насчитывающая более тысячи негативов, рабочие дневники [Яковлева 2013а; Яковлева 2013б; Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 664–669], а также более ста выполненных для выставок увеличений, большинство из которых имеют на обороте рукописные описания изображенных объектов, авторские штампы и автографы (колл. МАЭ НВФ-21).

В настоящее время (после оцифровки изображений и обнародования их в Интернете) наблюдается возрастающий интерес к этим материалам среди историков и краеведов. И это неудивительно: в работах А.А. Беликова с профессиональной дотошностью и художественным мастерством зафиксированы бытовые и архитектурные особенности местностей, которые интересовали его как исследователя. История большинства из них впоследствии оказалась плачевной: многие деревни и села давно стерты с лица земли, многие церкви взорваны, многие памятники до основания разрушены в ходе боев Великой Отечественной войны. Фотоснимки А.А. Беликова остались в ряде случаев единственными источниками, из которых можно узнать, как выглядели эти места в послереволюционное и довоенное время. Он оставил нам богатый этнографический и краеведческий материал для изучения, требующий для начала подробного описания географии и тематического потенциала коллекций и дневниковых записей.

Самый ранний фотоотпечаток А.А. Беликова, находящийся на хранении в отделе этнографии восточных славян и народов европейской России МАЭ РАН относится к 1913 г. Есть также три негатива этого времени: пейзажи с валунами, снятые на берегу Финского залива недалеко от платформы Ольгино (И-1228, № 919–923). Годом раньше состоялась последняя в дореволюционном Петербурге фотографическая выставка, после чего наступили грандиозные перемены в общественной жизни, а вместе с ними и непростой для русской фотографии период. Трудности фотодела были связаны с отсутствием материального и технического обеспечения, ведь в основном оно приходило из-за границы. В 1920-е годы настало время восстановления. Намечались новые задачи и области применения фотографии в науке и жизни, в Ленинграде возрождались фотографические общества, начали работу профессиональные учебные заведения, тесно связанные с изучением и применением фотографической техники, разработкой материально-технической базы: фото-кинотехникум, Государственный оптический институт.

В 1920-е годы А.А. Беликов, член вновь открытого Ленинградского общества деятелей художественной и технической фотографии и впоследствии его секретарь, обращается к этнографии и делает это направление основной темой своих фоторабот. Хранящиеся в МАЭ его дневниковые записи охватывают период с 1925 г. Последний дневник поездки А.А. Беликова в Лодейнопольский район Ленинградской области относится к 1930 г. Тогда он обследовал ряд небольших деревень начиная от Ут-Озера и Усть-Энемы, до сентября 1927 г. входивших в Олонецкий уезд. «На карте, даже исправленной на 1922 г., показаны только эти 13 деревень, тогда как на самом деле их 22–23 деревень и деревушек, растянувшихся на 5–6 верст и образующих район под названием “Кондуши”», — пишет он в дневнике [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 467. Л. 2]. Сегодня

требуется серьезная работа, для того чтобы определить, где именно находились эти населенные пункты, всего, по утверждению А.А. Беликова, в 10–40 дворов. В МАЭ нет негативов из этой поездки, однако путевые записи, которые вел А.А. Беликов, весьма интересны, они отражают условия, в которых жили карельские крестьяне в конце 1920-х годов.

В первой тетради дневника почти все записи относятся к 1925 г. [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 464]. Результаты своей трехгодичной работы и географию поездок 1925–1927 гг. А.А. Беликов обобщил в таблицах и пояснениях к ним [Там же. № 465]. В этот период фотограф участвовал в трех больших экспедициях, а также совершал самостоятельные поездки. В следующей тетради содержится дневник экспедиции в Карелию 1927 г. [Там же. № 466]. К тетрадам приложены несколько листов с записями частушек, вероятнее всего, сделанные среди людей, приехавших на работу в Ленинградскую область в 1920-е годы [Там же. № 468, 469].

Самая большая группа фотографий, хранящихся в МАЭ, относится к работе А.А. Беликова в июле–августе 1925 г. одновременно в двух экспедициях — Ленинградского Географического института под руководством В.Г. Тан-Богораза и Этнографического отдела Русского музея под руководством Д.А. Золотарева. Тогда внимание этнографов и антропологов было обращено на близлежащие районы Ленинградской губернии, по населению которых до того времени почти совсем не было коллекций [Золотарев 1926: 19]. Ленинградская этнографо-антропологическая экспедиция Русского музея работала преимущественно среди финнов Троицкого и Кингисеппского уездов, производя антропологические измерения. В 1926 г. Д.А. Золотарев особо отмечал «энергию и настойчивость А.А. Беликова, сделавшего более 600 снимков» [Там же: 20]. Известно, что оба руководителя обеспечивали А.А. Беликова материалами для работы и средствами для их закупки, причем, согласно договоренностям, автор вправе был оставить себе негативы [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 464. Л. 40]. Возможно, он так и сделал, поскольку нет данных о том, что в Этнографический отдел Русского музея поступали негативы 1925 г. Более четырехсот фотоотпечатков А. Беликова этого времени сейчас хранятся в альбомах в Российском этнографическом музее, в большинстве своем они сделаны с негативов, которые В.А. Беликова передала в МАЭ. Фотоотпечатки из карельской экспедиции Д. Золотарева 1927 г., находящиеся на хранении в Российском этнографическом музее, в основном дополняют те, которые находятся в МАЭ, составляя вместе единую серию. Негативы из Карелии, хоть и были переданы автором в Русский музей, там не сохранились: они погибли при бомбежке 5 декабря 1941 г.

Почти половина из имеющихся в МАЭ негативов А.А. Беликова происходит из мест, где обе экспедиции производили исследовательские и собирательские работы: 456 сделаны в селе Никольском Октябрьской волости Ленинградского уезда (И-1228, № 1–423, 1019–1052), 50 негативов (И-1228, № 424–474) из слободы Антропшино Троицкого уезда (она находилась в 1,5 км от одноименной станции), и шесть негативов из финской деревни Ванга-Мыза в трех километрах от слободы Антропшино (И-1228, № 896, 895, 902, 904, 907, 918). В настоящее время Антропшино — микрорайон города Коммунар Гатчинского р-на Ленинградской области. Железнодорожная станция Антропшино находится между станциями Павловск и Кобралово Витебского

направления Октябрьской железной дороги. Деревня Ванга-Мыза находилась на правом берегу реки Ижора, напротив деревни Гайколово, в 1978 г. на месте Ванга-Мыза построен один из крупнейших в Европе картонных комбинатов. Всем, кто жил в этой деревне, после сноса домов предоставили квартиры в Кобралово.

В 1926 г. Александр Антонович снова самостоятельно работал в Никольском (из дневников видно, что он возвращался в это село несколько раз), а также в селах Анненское (И-1228, № 475–497), Синявино (И-1228, № 498–517) и в близлежащих деревнях. Он снимал жителей сел и переселенцев, приехавших на торфоразработки, погост и церкви. Особый интерес вызывают работы фотохудожника, произведенные им в урочище «Красные сосны», где был поставлен памятник Петру Великому, других фотографий, запечатлевших его, не существует. Мы не будем останавливаться на снимках из Анненского и Синявино, поскольку о них уже подробно написано [Сутягина 2010: 109].

Летом 1926 г. датируются негативы, рассказывающие о жизни эстонских переселенцев на хуторах, расположенных в основном между станциями Елизаветино и Кикерино, вблизи деревень Шпаньково и Арбонье (у Беликова — «Арбони»; И-1228, № 852–886, 919, 920). Деревня Шпаньково в настоящее время входит в состав Елизаветинского сельского поселения Гатчинского р-на Ленинградской области и находится в 2,5 км от границы поселка. В деревне сохранились руины кирхи Св. Марии — лютеранского храма, построенного в 1833 г. В 1917 г. в Шпаньковском приходе насчитывалось более 3000 человек. Деревня Арбонье входит в состав Кикеринского сельского поселения Волоновского р-на. В 2007 г. в ней проживали 24 человека. Финское население этих деревень, а также деревень Бабий Гон Ораниенбаумской волости Троцкого уезда (ныне д. Низино) и Бобыльская, которая находилась между берегом Финского залива и Троицкой горой недалеко от Старого Петергофа, образуют серию «Финны». На этих снимках изображены группы детей и взрослых, избы середняков и бедняков, их внутреннее убранство, печи и колодцы — около 100 негативов (И-1228, № 553–557, 887–918, 1078, 1079, 1030–1097). В 1933 г. в состав Бабигонского финского национального сельсовета Ораниенбаумского района входили 19 населенных пунктов: деревни Мишино, Ольгино, Костино, Кузнецы, Низино, Нотколово и другие, с общей численностью населения 1511 человек. В период Великой Отечественной войны Низино оказалось на линии огня в самом центре военных действий. Деревня расположена в Ломоносовском районе Ленинградской области, в пяти километрах от южного побережья Финского залива. На месте деревни Бобыльская теперь находится одноименная улица в Петергофе.

Со 2 июля по 2 августа 1927 г. А.А. Беликов состоял штатным сотрудником Северо-Западной экспедиции КИПС (постоянной Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран) АН СССР, которая работала в Карельской ССР тремя отрядами под общим руководством Д.А. Золотарева [Отчет о деятельности АН СССР 1928: 158–159]. Ухтинский отряд изучал калевальские руны и фольклор, Чалмушский работал в русской части Карелии, задачей его было сравнение антропологических особенностей русских и карел. Олонецкий отряд, в котором трудился А.А. Беликов, производил исследования по антропологии, этнографии и гигиене карел. Изучение края началось годом ранее, когда была организована Карельская этнологиче-

ская экспедиция также под руководством Д.А. Золотарева. Из-за трудностей, с которыми пришлось столкнуться, — отсутствия благоустроенных дорог, недостатка средств — экспедиция 1926 г. не смогла закончить свою работу, некоторые вопросы остались «недостаточно освещены и изучены, что вызывает необходимость продолжения работ в том же или в соседних районах» [Там же: 198].

Экспедиция 1927 г. была организована более планомерно, она собрала материалы по постройкам, обычаям, рыболовству, одежде, языку и другим направлениям, позволяющие сравнить разные районы между собой, что играло немаловажную роль в то время, когда вопросы районирования и установления новых административных границ стояли особенно остро и обсуждались на государственном уровне. Экспедиция завершилась 2 августа, но А.А. Беликов продолжал работать в Карелии еще почти месяц, до 28 августа. Из его записей того времени следует, что Д.А. Золотареву впоследствии были сданы более 500 фотографий [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 466. Л. 80].

В коллекции И-1228 имеется 279 негативов из Олонецкого уезда (№ 572–851, 1053–1077). Большая часть их — снимки карельских крестьян разного пола и возраста, в повседневных и праздничных костюмах, за работой и на гулянье (И-1228, № 572–656). Также А.А. Беликов запечатлел жилые и хозяйственные постройки бедных и зажиточных крестьян разных деревень. «Постройки Карелии, столь богатой лесом, производят впечатление большей зажиточности, чем в других областях. Крыши крыты в Карелии не соломой и не дранкой-дранью, а тесом, не только крыши жилых домов, но и хозяйственно-служебных построек, даже черных, “курных”, бань. Помещения просторные», — писал А.А. Беликов в пояснениях к этим фотоработам [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 466. Л. 124]. Описывал он и внутреннее убранство помещений, особенности печей.

Следующая серия негативов посвящена работам во время жатвы и сенокоса — уборке ржи, обработке льна, заготовке сена. Многие сюжеты сняты в Ведлозерском волостном погосте (ныне Ведлозерское сельское поселение Пряжинского района Карелии). От деревни Корбинаволоок (Корбиниеми) сейчас осталось только название, деревня Юргилица, и поныне живая, была сожжена в годы финской войны. Большое количество работ карельской серии произведено в деревне Палनावолок (часть большого села Михайловское, на оз. Долгом, примерно в 53-х км от Олонца) Лояницкой волости (И-1228, № 684–737). «Некогда здесь был погост, носивший название Лояницкий, он объединял в разное время 14–15 деревень, из которых сейчас сохранилось пять (причем в четырех из них живут только дачники летом), в Старом Михайловском (покарельски Кууярви) была церковь, которая сгорела в конце 1920-х годов (а потом уж ее не восстанавливали; новую, и на новом месте построили в 1990-е годы. — Т.Я.), население волости доходило до двух-трех тысяч, в самом Михайловском (бывшая деревня Устье) в лучшие времена (тогда еще живы были и другие деревни) проживало около 800 человек, сейчас около 500 всех вместе взятых» [Конкка Алексей].

Очень интересны снимки, посвященные промысловому рыболовству, изготовлению кирпичей, а также бытовые сцены, изображающие занятия карел: деревенского сапожника за работой, мужчину за вязкой веников, точением топора, девушку-карелку на берегу озера за полосканием белья в корытце

«хумбар» (И-1228, № 778). Небольшие серии посвящены детям, помогающим по хозяйству, интерьерам, приспособлениям для гнутья, празднованию Дня Пантелеймона, а также церковным постройкам Лояницкой волости — старинная кладбищенская церковь, придорожный резной крест, часовни близ д. Кирга и в д. Яковлевка (И-1228, № 818—831). В коллекции И-1228 также есть негативы из Святозерской волости Петрозаводского уезда, из Туломозерской, Коткозерской, Видлицкой, Рыпушкальской и Неккульской волостей Олонецкого уезда (к последней принадлежит деревня Усть-Энема, куда А.А. Беликов вернулся в 1930 г.).

В начале 1928 г. тридцать восемь увеличений, снятых в Олонецком уезде, А.А. Беликов послал в Москву на выставку «Советская фотография за 10 лет», организованную Государственной академией художественных наук. Эти фотографии отражали основные темы его научно-прикладной работы: ландшафтные снимки, характеризующие особенности местности; типы населения и занятия, традиционный костюм, жилые постройки — внешний и внутренний вид. Узнав, что половина работ не была принята, а остальные развешены не в том порядке, на котором он настаивал как автор и член Ленинградской рабочей группы организационного выставочного комитета, А.А. Беликов написал в Москву возмущенное письмо, в котором требовал либо убрать его фотоснимки из витрины, либо экспонировать все, что было выслано. Черновик письма имеется в отделе этнографии восточных славян МАЭ (приложение к описи И-1228). Мы не знаем, было ли оно послано и чем закончилась история, однако она еще раз подтверждает, как ответственно и серьезно относился А.А. Беликов к делу своей жизни.

Летом 1928 г. «вследствие исключительно ненастной дождливой погоды, а равно и по причине затянувшейся, вплоть до 1-го августа, педагогической работы» А.А. Беликов не выезжал из Ленинграда [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 466. Л. 2 об.]. Следующая его поездка состоялась в 1929 г., когда он побывал под Лугой, в сельскохозяйственной коммуне «Кудрово» (близ Черемнецкого озера и бывшего имения Н.А. Меншуткина). Оттуда серия «Русские под Лугой» (И-1228, № 553—567) — портрет девушки, яблоневый сад, деревенская улица и старинная деревянная церковь. Выходцы из Лужской коммуны в 1925 г., по одной из версий, дали название д. Кудрово Всеволожского р-на Ленинградской области. Возможно, четыре негатива (И-1228. № 568—571), отдельно озаглавленные автором «Молочно-огородная коммуна “Кудрово” под Ленинградом», того же 1929 г. сняты уже в пригороде. Это комнаты мужского и женского общежитий, бытовая сцена во дворе и способ сушки молочных бидонов. Серия «Виды Ленинграда» также исполнена летом 1929 г., на ней виды Васильевского острова, где на 14-й линии жил фотограф. Более 30-ти негативов из коллекции И-1228 привезены А.А. Беликовым с Валдая в 1938 г., — пейзажи, суслоны ржи, виды деревень (И-1228, № 518—552).

Заключительные серии негативов рассказывают о выставочной деятельности А.А. Беликова. 14 сентября 1924 г., после 12-тилетнего перерыва в Ленинградской фотовыставочной деятельности, в Академии художеств открылась выставка, учрежденная Ленинградским обществом деятелей художественной и технической фотографии. В организационный комитет входили представители государственных и общественных организаций, в том числе от Академии наук СССР С.М. Дудин. В научно-техническом разделе выставки была пред-

ставлена одна его работа, а также снимки А.А. Беликова размером 9×12 — «портреты, ландшафты, снимки животных, ботанических, внутренних помещений, мертвой природы» [Каталог 1924: 24].

Неизвестно, были ли эти два мастера — А.С. Беликов и С.М. Дудин — лично знакомы, но вполне может быть, что А.А. Беликов на практике применял советы Самуила Мартыновича Дудина, изложенные им в 1923 г. в журнале «Краеведение». В своей статье С. Дудин рассматривал причины «дурной постановки фотографического иллюстрирования» и разъяснял преимущества фотографического фиксирования в научных поездках по сравнению с работой рисовальщика [Дудин 1924]. Исходя из личного опыта он рассказал о том, как следует готовиться к поездке, о выборе инструментов, приемах работы в походных условиях применительно к задачам иллюстратора и особенностям фиксируемых объектов. Рабочие тетради А.А. Беликова, относящиеся к середине 1920-х годов, дают представление о том, как он организовывал свою работу по этнографической фотофиксации. Из его записок видно, что он почти слово в слово следовал рекомендациям С.М. Дудина. Обширный список литературы по истории и этнографии Олонецкого края (составленный, очевидно, перед экспедицией в Карелию), конспекты глав из изданной в 1895 г. в Петрозаводске книги Благовещенского и Гарязина «Кустарная промышленность в Олонецкой губернии» [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 464. Л. 135–153] свидетельствуют о стремлении основательно ознакомиться «с той научной дисциплиной, в интересах которой он едет в качестве фотографа-иллюстратора» [Дудин 1924: 3]. С.М. Дудин предлагал составить перед поездкой программу работ, перечень тем, возможных вариантов, что дает возможность «подсчитать необходимое количество рабочего материала» [Там же]. Подобную работу производил А.А. Беликов и перед своими поездками: «Расчет необходимого по покупке дополнительного запаса пластинок для моего второго отъезда в село Никольское», — озаглавливает он список. И далее перечисляет:

«Для завершения фотосъемок по типам старинных жилых построек.

Для фотосъемок типичных старинных служебных построек крестьян села.

Для костюмов калужан, работающих по торфу.

Для плитной ломки.

Для работ по добыванию песка для стекла.

Для съемок церкви, часовни, креста, школы, избы-читальни и старых памятников на кладбище и моих помощников» [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 464. Л. 48 об., 67 об. — 68].

С.М. Дудин советовал: «В пейзажных снимках, чтобы не нарушать их серьезности и красоты, не следует допускать позирующих фигур. Фигуры же, естественно вкомпановавшиеся в пейзаж на втором или третьем плане, допустимы, так как, оживляя снимок, дают еще масштаб, присутствие которого желательно для правильного понимания темы» [Дудин 1924: 3]. Если взглянуть на пейзажные, ландшафтные фотографии, выполненные А.А. Беликовым, видно, с каким изяществом пользовался он этим приемом. Выбор А.А. Беликовым объектов съемки также во многом совпадает с перечисленными С.М. Дудиным темами. Он снимал панорамы сел, постройки, облака, сцены и типы, костюмы, интерьеры. Следовал ли при этом фотограф готовым прак-

тическим советам или благодаря своему художественному чутью, образованности, трудолюбию и терпению путем эксперимента пришел к тем же результатам, о которых радел Дудин, сейчас можно только догадываться. Но как бы то ни было, совпадения эти говорят о мастерстве и лучших на то время российских достижениях в области применения фотографии для иллюстрирования этнографических и краеведческих работ, что делает коллекцию А.А. Беликова особенно ценной.

Особенное место в выставочной и просветительской деятельности А.А. Беликова занимает выставка его работ «Село Никольское в фотографиях лета 1925 года. Природа, экономика и быт села», устроенная летом 1926 г. в избечитальне села Никольское, места, где началась его серьезная научно-прикладная работа. Это было время, когда закладывались основы советского краеведческого движения. Летом 1925 г. в г. Слуцке (ныне г. Павловск) состоялись производственно-краеведческие курсы для сельских учителей. Ученые разных специальностей принимали участие в разработке методических указаний, определении форм исследовательской работы, в том числе и Д.А. Золотарев, который неоднократно подчеркивал необходимость изучения Ленинградской губернии — «населения, незаслуженно забытого исследователями» [Золотарев 1926: 20]. Экспедиции Русского музея привлекали к работе местных жителей, для которых была напечатана даже специальная «Памятка».

Выставка А.А. Беликова, где были представлены 253 фотоувеличения (из снятых к тому времени 660 работ), также имела целью привлечение внимания местного населения к краеведческим исследованиям, осознанию их важности. Поэтому издание в 1927 г. результатов краеведческой работы в Октябрьской волости, где отдельная большая глава посвящена селу Никольскому, не кажется простым совпадением. Современные очерки по истории села чаще всего повторяют содержание этой статьи [Бутин, Феофанов 1927: 56–71]. «Первое мое пребывание в селе Никольском длилось с вечера 23.06 до утра 10.07 1925 года, то есть 16 дней ушло на фотоработу, т.е. съемки, и в вечер того же дня проявление и фиксирование с проявкой негативов ночью и сушкой их утром следующего дня... на визит к местной власти, Сельсовету и выписка в канцелярии его из “Единой поселенной книги” 1924 года (по подворному списку) старинных (75 лет и выше) жилых построек крестьян села, а равно и общее знакомство с расположением села в 311 домов, вытянутых по обе стороны главной улицы на 2,5 версты и знакомство с домохозяйкой и ближайшими с ними соседями-домохозяевами с целью разъяснения причин моего приезда в село и характера моей работы», — пишет А. Беликов в дневнике [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 464].

Село Никольское расположено в 40,5 км от Санкт-Петербурга. Историческая часть села ныне представляет собой улицу в южной части современного городского поселения Никольское — два ряда жилых домов, расположенных по обеим сторонам дороги, идущей вдоль правого берега р. Тосно. Село возникло на месте поселения шести семей государственных крестьян из Люблинского и Можайского уездов Московской губернии, переведенных в эти места для плитной ломки в 1812 г. В дневнике А.А. Беликова есть сведения об истории села, записанные им со слов Аграфены Ивановны Пугачевой, которой к тому времени было почти 90 лет: «Под Москвой есть село Никольское, и четыре семьи около нашествия французов приехали под Питер и являются осно-

воположниками нашего села <...> У Ивачевых иконы из Москвы в год их переселения. Предки сельчан были мастеровыми, жили при дворах полотерами <...> Во время постройки Николаевской железной дороги много умерло рабочих, пригнанных из Псковской и Витебской губерний, из голодных деревень — наедались и умирали <...> Хлебопашеством стали заниматься только после Германской войны, и то лишь для себя: земля плохая, кругом заводы, отхожие промыслы» [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 464]. Действительно, сельское хозяйство в Никольском не являлось главным источником существования его жителей. Добыча и обработка плитняка, сплав леса, побочные промыслы, связанные с торговлей, доставкой топлива, рыбной ловлей были здесь основными источниками дохода. Это отразилось на облике Никольского, каким он сложился в 20-е годы XX столетия. Целью экспедиции Д.И. Золотарева, помимо антропологических измерений, являлось изучение местных построек. Летом 1925 г. А.А. Беликов успел снять в Никольском 60 самых старых (от 75 до 115 лет) жилых домов и дворовых построек, зарисовать в тетради планы их расположения, а также устройства внутренних помещений.

С.М. Дудин, говоря о фотофиксации этнографических тем, указывал, что «снимков нужно такое количество, без которого невозможно составить себе полное, исчерпывающее представление о постройке, в связи, разумеется, с ее планом. Конечно, такая полнота нужна бывает не всегда, — писал он. — Обычно же для наружного вида постройки следует дать два, три или более (в зависимости от разнообразия) геометральных снимка фасадов, один или два снимка под случайным углом и несколько снимков деталей сооружения. То же необходимо сделать, снимая внутренности постройки» [Дудин 1924: 3]. К этой работе А.А. Беликов подходил очень тщательно, о чем свидетельствует составленный им перечень вопросов, на которые должны быть даны ответы, характеризующие постройки, — всего 129 пунктов: где находятся, из чего сделаны, обиты ли тесом, имеются ли крыльцо, балкон, какова форма крыши и т.д. [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 464. Л. 50 об. — 53, 62–63 об.]. «Хозяйственные постройки должны быть снимаемы целиком, с их началом и концом, причем так, чтобы по снимкам их начала можно было бы судить об их близости к дому жилому; каждая служба или часть их должны быть в объяснительной записке названы так, как их называют местное население, и для какой цели они служат» [Архив МАЭ. К-V. Оп. 1. № 464. Л. 66].

В коллекции И-1228 представлена большая часть этих работ, они же составляли главную тему выставленных в избе-читальне в Никольском. «Основной частью труда автора этих работ являлось запечатление типичных крестьянских построек. Работы, касавшиеся построек, воздвигнутых крестьянами на протяжении более чем целого века, имели целью выявить эволюцию строительной техники избы бедняка, середняка и бывших зажиточных — крестьянина и купца, причем не только по линии лишь самой стройки, но и по линии внутреннего оборудования и убранства старинных и современных, до и после войны и революции построенных изб названных четырех групп крестьян» [Беликов 1930: 90–91]. Фотофиксация А.А. Беликовым построек, принадлежащих зажиточным людям, коих в Никольском было достаточно много, может представлять особый интерес для ученых, занимающихся данной тематикой, поскольку другие исследователи эти постройки не описывали, признав их «нетипичными для сельской местности» [Бутин, Феофанов 1927: 47]. Право-

мерность этого утверждения может быть доказана или оспорена также с помощью сохранившихся фотоматериалов по Никольскому.

Сейчас местность, где работал А.А. Беликов, представляет собой улицу, где попеременно с домами послевоенной застройки, обветшалыми либо частично или полностью перестроенными, стоят современные типовые коттеджи. Однако можно еще наблюдать здесь характерные черты, запечатленные в 1920-х годах. На первый взгляд, общий вид улицы, затененной высокими деревьями, почти не изменился с тех пор: жилые дома, растянувшиеся вдоль дороги напротив друг друга, задворки с сараями, мелькающий в просветах берег реки, — как будто сошли с фотографий А. Беликова. Можно увидеть даже тип застройки, который издавна был принят в Никольском и в других деревнях Октябрьской волости, — жилой дом, стоящий на задворках другого дома, расположенного на основной линии улицы, — так строились при семейных разделах. Палисадники, мезонины с одним или двумя окнами, зубчатая резьба на карнизах свидетельствуют о том, что в почти полностью разрушенном во время Великой Отечественной войны селе, которому исполнилось недавно 300 лет, традиционные элементы в строительстве сохранялись довольно долго.

Перечисленные в заметке о выставке в Никольском сюжеты экспонатов, помимо построек, общего вида села, снятого с крыши колокольни сельской церкви, занятий, одежды, типов населения, включают и детали фасада церкви, часовенки, старинного придорожного креста, старинных и современных надгробных памятников сельского кладбища и высеченных на них надписей [Беликов 1930: 91]. Все эти сюжеты также присутствуют и в коллекции, переданной МАЭ. Серия «Село Никольское на р. Тосно» включает 456 негативов (И-1228, № 1—423, 1019—1052). В 2003 г. на месте храма Святителя Николая Чудотворца, разрушенного в 1944 г., сегодня поставлен поклонный крест. Почти не сохранились и другие памятники, снятые А.А. Беликовым на Никольском погосте. Журнал «Фотограф» в заметке о выставке сообщил, что почти все работы, бывшие на экспозиции, впоследствии были приобретены различными учреждениями — Государственным Русским музеем, Ленинградским обществом изучения местного края, учебными заведениями, а также (согласно записке А.А. Беликова) Ленинградским музеем города и Ленинградским центральным географическим музеем [Фотовыставка 1926: 56].

Только в первой половине 1926 г. работы А.А. Беликова экспонировались на шести выставках в различных учреждениях Ленинграда. 15 апреля 1926 г. открылась первая персональная выставка «Светопись на службе этнографии» в зале общих собраний Ленинградского общества деятелей художественной и технической фотографии, где в 12-ти витринах было представлено 225 работ форматом 30×40 см. В мае 1926 г. в залах Государственного Русского географического общества на выставке I Съезда краеведов Северо-Западной области экспонировалось 155 работ. Краеведческие серии А.А. Беликова экспонировались и на выставке «Зодчество деревни Северо-Западной области» в Академии художеств. С 15 по 31 мая 1929 г. в залах Института истории искусств 16 фотоэтюдов А.А. Беликова (среди которых любимые его работы «Игра света и тени», «Сейчас закипит», «Пастух с подпаском» и др.) украсили экспозицию. В 1930 г. А. Беликов писал: «Краеведение в особенности, когда дело касается малоисследованных краев, нуждается в широком применении фотографии, дающей возможность именно массовых, сериальных и паспортизированных

фото документов, характерных своей протокоальностью и непроверяемостью. Этот материал обеспечивает необходимую полноту и точность, а потому и представляет собою огромную, многостороннюю и, конечно, общественно-значимую ценность» [Беликов 1930: 20–21].

Можно заключить, что в МАЭ представлены не все серии работ А.А. Беликова и не полностью. Однако то, что есть, может стать не только хорошим подспорьем для иллюстрирования этнографических тем по Ленинградской области и Карелии, но и дополнительным источником информации для научных работ, связанных с этим регионом. Многие работы А.А. Беликова помимо научно-прикладной имеют и самостоятельную художественную ценность, они вполне заслуживают экспонирования на современных фотобиеннале. Выставка «Село Никольское в фотографиях А.А. Беликова 1925–1926 гг.», организованная МАЭ РАН совместно с администрацией Никольского городского поселения и проходившая в Никольской городской библиотеке с 8 апреля по 31 мая 2013 г., показала, какую огромную ценность имеют эти документы для жителей региона. Об этом свидетельствуют и отзывы в местной прессе, и записи в книге посетителей, сделанные людьми разных поколений. В запечатленных образах старожилы села узнали отцов, родственников, соседей. Оказалось, А.А. Беликов дарил некоторые свои работы местным жителям, иные пронесли через войну и оккупацию эти свидетельства родства и мирной жизни [Никольское 2014]. Многие жители впервые увидели, как выглядели церковь, часовня, дома, чем и как жили их предки. Все это показало, что работу по изучению фотоматериалов А.А. Беликова, их идентификации и созданию объединенного каталога необходимо продолжить.

Библиография

- Беликов А.* Фотокраеведческая работа // Советское краеведение. 1930. № 10. С. 20–21.
- Бутин И., Феофанов И.* Краеведческая работа сельской школы. 3. Обследование экономических факторов села Никольское. М.; Л., 1927. С. 56–71.
- Дудин С.М.* Фотография в научных поездках // Краеведение. 1923. № 1. С. 31–35.
- Золотарев Д.А.* Исследовательская работа среди великорусов и финнов // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л.: Гос. тип. им. Ивана Федорова, 1926. 101 с.
- Каталог фотографической выставки в залах Академии художеств. Л., 1924. 37 с.
- Конкка А.* Полевой дневник. Поездка к людикам. Михайловское // Столица на Онего. <<http://www.stolica.onego.ru/articles/183074.html>> (дата обращения: 13.03.2016).
- Никольское в фотографиях А.А. Беликова 1925–1926 гг.: Каталог коллекций Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 143 с.
- Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г. Л.: Изд. во АН СССР, 1928. Ч. 2. С. 158–159.
- Сутягина Л.Э.* Исчезнувшие памятники русской провинции // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 106–112.
- Фотовыставка в деревне // Фотограф. 1926. № 9–10. С. 56.
- Яковлева Т.М.* Фотограф и краевед А.А. Беликов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 241–248.
- Яковлева Т.М.* Наследие А.А. Беликова в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) // Сборник докладов международной конференции «Фотография в музее». 21–23 мая 2013 г. СПб., 2013. С. 151–154.